

УДК 94 (47).041/042 + 94 (430).029
DOI 10.25205/1818-7919-2017-16-8-28-40

Д. Пицкова

*Карлов Университет
Фруктовый Рынок, 5, Прага, 116 36, Чехия*

dana.pickova@gmail.com

**ИМПЕРИЯ ГАБСБУРГОВ И МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО:
УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ МОСКОВСКИМИ ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ
И ГЕРМАНСКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ**

Статья посвящена изучению обстоятельств подготовки и содержания двух дипломатических соглашений, заключенных в конце XV – начале XVI в. между правителем Священной Римской империи Максимилианом I и московскими великими князьями Иваном III и Василием III. Установлено, что цели, которых добивалась каждая из сторон, не совпадали друг с другом. Если московский двор был заинтересован в этих соглашениях, прежде всего, для получения военной помощи в борьбе с Литвой за возвращение бывших древнерусских земель, то Максимилиан преследовал свои интересы, сначала желая завладеть престолом Венгерского королевства, а впоследствии стараясь ограничить влияние в Восточной Европе польского короля Сигизмунда I. Вместе с тем данные соглашения свидетельствуют о включении Московского государства в систему общеевропейских международных отношений в рассматриваемый период в качестве полноправного их участника, с которым в дальнейшем уже должны были считаться западноевропейские государства.

Ключевые слова: Московское государство, Священная Римская империя, Максимилиан I, Иван III, Василий III, дипломатические отношения.

В конце XV в., после более чем двух столетий политической раздробленности, претерпевшая тяжелые испытания под гнетом Золотой Орды Русь, наконец, освобождается от татарской зависимости и объединяется под руководством Москвы. Так в Восточной Европе сформировалось мощное государство, которое начало привлекать внимание правителей других европейских стран. С их стороны были предприняты усилия для заключения союза с Москвой. Одними из первых, кто хотел этого добиться, были Габсбурги. В 1490–1491 гг. Максимилиан I, император Священной Римской империи и австрийский эрцгерцог, заключил с великим московским

князем Иваном III первый союз. В 1514 г. аналогичный договор был подписан с Василием III, преемником Ивана на престоле.

В последние годы появилось несколько работ на тему российско-австрийских отношений. В. Зенчев и В. Ляйтш на выставке «Mittelungen des österreichischen Staatsarchiv», посвященной 200-летию МИД России, осветили ключевые события в первые 300 лет этих отношений [Zenèev, 2003; Leitsch, 2003]. Р. Фретшнер опубликовал на немецком языке документы российского происхождения, связанные с дипломатическими отношениями великого князя московского Ивана III и римского императора Максими-

Пицкова Д. Империя Габсбургов и Московское государство: установление дипломатических отношений между московскими великими князьями и германскими императорами // Вестн. НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 8: История. С. 28–40.

лиана I в 1491–1493 гг.¹ Интерес представляет работа М. Зах «Hochmeister und Großfürst», в которой упоминаются отношения московского двора и немецкого ордена в Пруссии. Автор на основе тщательного изучения материалов обсуждает тему в очень широком контексте, касаясь, в том числе, и контактов Москвы с Габсбургами [Sach, 2002].

В качестве итога нашего исследования на тему российско-габсбургских отношений представлена монография «Габсбурги и Рюриковича на пороге Нового времени» [Pícková, 2002], в ней объясняются причины, действия и последствия процесса формирования не только первого московско-габсбургского союза, но и всех соглашений, которые были созданы на его основе в более широком историческом контексте. В этой статье мы хотели бы суммировать наиболее важные выводы, к которым мы пришли за последние годы.

Инициатором установления контактов двора Габсбургов с Москвой был император Фридрих III. Причиной этому послужила ситуация в Центральной Европе, когда после смерти императора Сигизмунда в 1437 г. Габсбурги боролись за власть с Ягеллонами. Позже участником в этом соперничестве стал и Матвей Корвин, чьи амбиции стать императором не были удовлетворены, и в 1477 г. он пытался компенсировать это путем захвата наследственных земель Габсбургов, включая саму Вену, взятую в 1485 г. [Хорошкевич, 2008; Wiesflecker, 1971. S. 271–287; Nehring, 1975; Fraknoi, 1915].

В начале 1487 г. на рейхстаг в Нюрнберг прибыл силезский рыцарь Николай Поппель, только что вернувшийся из Москвы. Он описывал свою поездку как частное путешествие, но можно не сомневаться, что она состоялась по предписанию императора. Это был рассказ о неизвестной стране, которая никогда не имела никаких контактов с Габсбургами, и, по словам самого Поппеля, он даже думал, что она зависит от польского

короля. Он понятия не имел [Памятники..., 1851. С. 2], насколько большой интерес эта страна может вызвать как у Фридриха III, так и у других князей империи. Император начал думать о том, что в лице Ивана III можно было получить союзника в условиях текущей критической ситуации, в которой находились владения Габсбургов, учитывая войну с польским королем Казимиром IV. В этом можно увидеть еще одно доказательство для предположения, что первая русская поездка Поппеля не была частным делом, а при этом уже преследовались обширные политические интересы Габсбургов.

В конце 1488 г. Поппель вновь отправился в Москву, на этот раз официально в качестве императорского посла [Памятники..., 1851. С. 1–12; Fiedler, 1857; Pícková, 1998a]. Его задачей было установить дипломатические отношения с московским правительством. В качестве средства для этого он предложил Ивану III династический брак, чтобы великий князь выдал одну из своих дочерей за племянника императора. Великий князь принял его дружески, но был против этого брака. Кроме того, он отверг королевский титул, предложенный Поппелем от имени императора.

В то время как Фридрих III весьма острожно воспринимал ситуацию в Восточной Европе, его сын, римский король Максимилиан I, пользуясь своей властью, решил создать широкую сеть соглашений, направленных против Ягеллонов, претендовавших на венгерский королевский трон, который он считал своим наследием после смерти Владислава. Этот союз должен был быть похож на систему союзов, созданных в Западной Европе против Франции [Höflechner, 1989].

В июле 1490 г. в Москву прибыл Йорг фон Турн, посол Максимилиана. Предложения, которые он привез, показали, что российско-габсбургская дружба стала обретать конкретные очертания. Максимилиан предложил Ивану III: «Да дружба... не останется без свершения, но укрепитя, и утвердится и соблюдется правым и прямым связанием на Короля Польского и иных, хотяшу ему помешати величеству Короля Римского в достатки королевства Угерского, истинного и праведного его отечества и наследства» [Памятники..., 1851. С. 28]. Задачей Турна было

¹ Frötschner R. Großfürst Ivan III. von Moskau und das Heilige Römische Reich deutscher Nation. Die frühneuzeitlichen Anfänge der deutsch-russischen Beziehungen im Spiegel der für die Reichsversammlungen von 1491–1493 einschlägigen Quellen. Altrussische Akten und Urkunden aus dem Moskauer Gesandtschaftsamt in deutscher Übersetzung. URL: http://www.ios-regensburg.de/fileadmin/doc/publikationen/Deutsche_Reichstagsakten_Froetschner.pdf (дата обращения 20.01.2017).

передать то, что хочет Максимилиан, и выяснить, что предложит Иван в связи с предлагаемым союзом.

В содержании сообщения Турна и намерениях Максимилиана можно заметить вполне очевидное противоречие. Турн покинул империю в феврале 1490 г., когда, очень вероятно, Максимилиан заключил сделку с венгерским королем Матвеем Корвином. В этой ситуации его главным противником, по существу, стал король Польши и великий князь литовский Казимир IV, как сторонник своего старшего сына короля Владислава II и защитник интересов младшего – Яна Ольбрахта. Максимилиан пытался добиться, чтобы после смерти венгерского короля, не имевшего законного наследника, Казимир был вынужден вести войну за получение венгерского престола.

Римский король призвал великого князя Ивана III вступить в военный союз, направленный против Ягеллонов, который начнет действовать в том случае, если Казимир IV или любой другой из Ягеллонов решит отстаивать свои права на Венгерское королевство. Это было совершенно односторонним предложением, обязывавшим Ивана III атаковать польского монарха, если Ягеллоны выступят против Максимилиана. Король, однако, нигде не упоминал, что он сам был бы готов помочь своим союзникам. Русским не оставляли выбора, потому что они не имели ресурсов даже для того, чтобы, по крайней мере, освободить свои древние земли от власти Литвы. С другой стороны, мы можем лишь предполагать, на что могла рассчитывать в будущем российская сторона. Это объяснило бы два аспекта. Во-первых, данное предложение короля соответствовало его сиюминутным планам, связанным с Венгрией. В то же время мы находим ответ на вопрос, почему Максимилиан совершенно нереалистично потребовал от Ивана III помощи против своих врагов в Европе.

Нельзя недооценивать то, насколько сильное впечатление оказало на Ивана III предложение Максимилиана о союзе против Ягеллонов. Односторонние предложения Турна, представленные московскому двору, были гораздо более конкретными, чем миссия Поппеля, посла императора Фридриха III в 1489 г. Растущие проблемы в польско-рус-

ских отношениях мотивировали великого князя отказаться от союза с Габсбургами против Ягеллонов. Почти одновременно с Турном в Москве жил посол Казимира IV, который был против действий русских на литовской границе и перехода местных дворян под московское господство. Ситуация еще больше усугубилась отклонением Иваном III требований Казимира [Памятники..., 1882. С. 43–51].

Вскоре при московском дворе был составлен текст первого российско-габсбургского договора. Предварительные положения о взаимной помощи подразумевали достаточно широкий спектр, но обещание предоставления помощи другой стороне ограничивается оговоркой «если это возможно». Таким образом, в целом задуманное соглашение ни к чему не обязывало, поэтому великий князь попробовал более конкретно определить отдельные случаи, когда будет необходима помощь.

Были предложены два условия. Во-первых, ожидалось, что Максимилиан будет бороться за свое наследственное Венгерское королевство, если кто-либо из Ягеллонов захочет присвоить его себе. Во-вторых, Иван III предполагал, что он тоже развернет войну за возвращение великого киевского княжества, изначально русской земли, бывшей во владении в то время у Казимира Ягеллона. Максимилиан обещал поддерживать своего союзника против Казимира до конца жизни, и просил его о том же. Он не упомянул, что рассчитывает на помощь против своих врагов в Западной Европе или в империи, как это было задумано ранее. Не было никаких признаков того, что на момент подготовки текста российско-габсбургского договора в Москве понимали, что Матвей Корвин умер, и условие, содержащееся в документе, уже вступило в силу. Трудно предполагать даже, что там что-то знали о прежних усилиях Максимилиана примириться с венгерским королем и попытках на основе двусторонних соглашений с Габсбургами, Венгрией и Молдавией создать широкую коалицию против Ягеллонов [Karge, 1893; Picková, 19986].

После месячного пребывания в Москве посол Максимилиана возвратился в империю. Вместе с ним была направлена российская делегация во главе с опытным дипло-

матом греческого происхождения Юрием Траханиотом. С Максимилианом они встретились в марте 1491 г. на рейхстаге в Нюрнберге. Траханиот предложил Максимилиану российско-габсбургский договор о взаимной помощи в версии Ивана. Хотя условия, окончательно сформулированные последним, удовлетворяли в первую очередь российскую сторону, король не мог в данных обстоятельствах желать ничего лучшего. Назревала необходимость в получении помощи от великого князя. Двадцать второго апреля 1491 г. Максимилиан без всяких оговорок утвердил договор, удовлетворявший желания Ивана, ничего не меняя в формулировках.

На заседании рейхстага, однако, стало ясно, что король не намерен лично участвовать в борьбе за Венгерское королевство, готовясь выступить против французов, только что вторгшихся в Бретань². Но он не собирался и отказываться достичь успеха в Венгрии, рассматривая ее как очень перспективную добычу [Baczkowski, 1995; Wiesflecker, 1971. S. 288–296]. Но возникшие в этом случае разногласия с отцом, война с французами в Бретани и банальная нехватка средств помешали Максимилиану лично участвовать в борьбе за Венгрию, чтобы успешно завершить начатое.

Настроить восточного союзника против Ягеллонов, как это виделось в воображении Максимилиана, в конце XV в. не удалось. Это было возможно лишь в двустороннем российско-габсбургском соглашении, которое осталось только на бумаге. На то был ряд причин. Прежде всего, это договоренности Пресбургского мира, который раньше заключил с Максимилианом новоиспеченный венгерский король Владислав Ягеллон в ноябре 1491 г. [Firnhaber, 1849. S. 469–492; Wiesflecker, 1971. S. 303–308]. Они вели к тому, что римский король терял интерес к дальнейшему развитию дипломатических отношений с Москвой, не говоря уже о привлечении к российско-габсбургскому союзу других партнеров по коалиции. Кроме того, полностью исключено, что Иван III участвовал бы в делах Венгрии. В случае нападения на Ягеллонов, благодаря поддержке Казими-

ром своего младшего сына Яна Ольбрахта в Венгрии, на российско-литовской границе в данной ситуации Владислав мог стать скорее помощником, а не противником³.

На наш взгляд, Иван III заключал соглашение с Максимилианом I без искреннего намерения втянуться в борьбу против Казимира Ягеллона и его детей, как того хотел римский король. Прямое наступление, вероятно, никогда не предполагалось, вопреки положениям в готовом к принятию договоре, так как великий князь был озабочен крупными и мелкими столкновениями на российско-литовской границе.

В годы первой русско-литовской войны (с 1487 по 1494 г.) соглашение Ивана с Габсбургами, возможно, имело некоторый эффект. Казимир IV в любом случае не мог позволить себе непосредственно участвовать в военных операциях с начала 90-х гг. XV в., учитывая, что его московский противник был в союзе с Максимилианом. После смерти Казимира в 1492 г. его преемник в Литве, великий князь Александр, немедленно начал мирные переговоры. После 1493 г. союз Габсбургов и Москвы потерял актуальность и был возобновлен в начале нового века.

После заключения Пресбургского мира с Владиславом Ягеллоном контакты с Москвой по-прежнему интересовали Максимилиана, так как ему удалось добиться потенциального права для Габсбургов стать его преемниками и бессменными правителями в Венгрии. Застой в отношениях с московским двором длился с перерывами до 1510 г. Контакты были восстановлены только тогда, когда претензии Габсбургов на корону св. Стефана угрожали младшему брату Владислава, польскому королю Сигизмунду I Старшему. Максимилиан тогда направлялся в Рим, стремясь к коронации, мечтал о крестовом походе против Турции и в конечном счете рассчитывал сконцентрировать в своих руках всю светскую и церковную власть [Wiesflecker, 1965; Suchánek, 2008]. Между тем усиливались противоречия между ним и венгерским королевским двором.

² К концу 1490 г. представителями Максимилиана был заключен его заочный брак с наследницей герцогства Бретонского Анной.

³ По мнению краковского двора, венгерским королем должен был стать младший брат Владислава Ян Ольбрахт, который сначала безуспешно выдвигал свою кандидатуру, а затем встретил военное сопротивление со стороны Владислава.

До 1500 г. созданные Максимилианом западная и восточная системы союзов не представляли собой ничего, кроме идеи. Тем не менее в начале XVI в. они еще действовали. Потом они нашли применение против Франции, общего врага западных держав, и восточного противника Габсбургов, прусского Тевтонского ордена и Москвы, Ягеллонских правителей – польского короля Яна I Ольбрахта, великого князя литовского Александра и венгерского и чешского короля Владислава. В 1500 г. был подписан договор в Буде, якобы направленный против Турции, а на самом деле против Максимилиана и его притязаний на венгерский престол.

Но ситуация резко изменилась после смерти Александра в августе 1506 г., когда польский и литовский престол перешел к его младшему брату Сигизмунду I Старшему. Сначала тот был занят войной с Московским государством (с 1507 по 1508 г.) и внутриполитическими проблемами в Польше, но потом заинтересовался венгерскими делами. С одной стороны, он пытался заставить императора отказаться от защиты немецкого ордена, с другой – подчеркнул общие интересы Ягеллонской династии в области Дуная. В феврале 1512 г. Сигизмунд женился на Барбаре Запольской, сестре Яна Запольского, теперь уже герцога Трансильвании, таким образом решительно стремясь отеснить от венгерского трона Габсбургов.

Владислав отказался от мысли сблизиться с Габсбургами, желая стать императором, а не польским королем. Сигизмунд, напротив, пытался убедить своего брата освободиться от влияния Габсбургов. Все это вызвало явно враждебное отношение Максимилиана к Польше. Он задумался о том, как ограничить Сигизмунда и политически, и в военном отношении. Ситуация, казалось, складывалась подходящая. В 1512 г. произошло вторжение в юго-восточную область Польши татар, чуть позже против Литвы выступила под Смоленск русская армия во главе с самим Василием III, успешно вел войну и недавно назначенный магистром Тевтонского ордена в Пруссии Альбрехт Гогенцоллерн.

В борьбе Габсбургов за власть над Венгрией и в оказании помощи Тевтонскому ордену в Пруссии против польского короля Сигизмунда I возродился интерес императо-

ра к союзу с Москвой. После эпизодических контактов в 1504–1509 гг. в 1514 г. он предложил Василию участие в союзе против Ягеллонов, в который, однако, сам вступать не собирался. В конце лета 1513 г. Максимилиан отправил в Москву своего советника Георга Шнитценбаумера фон Зоннега. Его задачей было убедить великого князя московского Василия III в императорской «любви и дружбе» и напомнить ему о «дружеском взаимопонимании и сотрудничестве», которые Максимилиан имел некоторое время назад с его отцом Иваном III. Посол предложил Василию войти в союз с Саксонией, Бранденбургом, Данией, немецким орденом, чтобы дать Московскому государству возможность защищаться против короля Сигизмунда, появив, что «король действовал по отношению к нам и Священной Римской империи несправедливо и почти презрительно. Своевольно осмелился уничтожать и угнетать немецкое поклонение Деве Марии, пренебрегая всеми христианскими законами, что приводит к значительному вреду и ущербу не только немецкого народа, но всего христианства» [Fiedler, 1863. S. 57–59]. Хотя Максимилиан был бы рад принять в этом участие, однако он занят войной с французами и венецианцами. После победы его руки будут свободны, и он не будет стоять в стороне, если этого пожелает великий князь.

По пути в Россию Шнитценбаумер посетил некоторых немецких князей, чтобы сообщить им, что рассчитывает на их участие в антипольской коалиции. Князья, однако, не проявили никакого энтузиазма к предложениям Максимилиана. Перспектива союза с русскими не вызвала положительной реакции даже у магистра Тевтонского ордена Альбрехта Гогенцоллерна. Против были прусские города и папа. Кроме того, польский король Сигизмунд I ожидал от Ордена помощи в войне с Московским государством и несколько раз вызывал к себе магистра [Supplementum..., 1848. P. 356]. Хотя борьба с русскими «раскольниками» (т. е. православными) отвечала идеологическим взглядам ордена, Альбрехт Гогенцоллерн на этот вызов не реагировал. В то же время он опасался, какую реакцию тесная связь с «раскольниками» вызовет у папской курии [Joachim, 1892. S. 57].

Серьезный отпор Шнитценбаумер встретил у только что ставшего магистром Ливонского ордена Вальтера фон Плеттенберга. Ливонский орден был в непростой ситуации. С одной стороны, с 1501 г. он был союзником Литвы [Urkundenbuch, 1905. S. 29–32, 81–83; Supplementum..., 1848. P. 315–318]. С другой стороны, Плеттенберг надеялся, что военное давление Москвы побудит польского короля иметь дружеское расположение к Пруссии. Это не означает, что он был готов вступить в союз с великим князем против Польши. Его интересам был ближе союз с Ягеллонами против Московского государства, потенциал которого не способствовал образованию антипольской коалиции. Оглядываясь на Пруссию, он, тем не менее, не решился открыто выступить на стороне Польши против Москвы [Wimmer, 1985].

Переговоры императорского посольства при дворе великого князя в начале 1514 г., однако, пошли в другом направлении, чем хотел Максимилиан. Василий имел некоторые проблемы с немецким орденом, но приветствовал заключение пакта против Сигизмунда, особенно когда войны, которые он вел, не дали желаемый результат – обе кампании по захвату Смоленска зимой 1512–1513 гг. и летом 1513 г. оказались неудачными. Коалиция, однако, хотела вести прямые переговоры с императором. В случае проявления заинтересованности российской стороной нужно было просто пригласить Василия отправить свою делегацию на переговоры коалиции к королю Дании в Копенгаген, где они могли встретиться с представителями всех заинтересованных правителей [Fiedler, 1863. S. 78].

Это было, несомненно, стоящее дело. Максимилиан хотел парализовать Польшу, правитель которой преследовал свои цели в отношении венгерской короны и наносил ущерб Пруссии. Лично он не собирался вмешиваться, потому что был занят войнами в Западной Европе. Однако Шнитценбаумер в итоге обсудил в Москве российско-габсбургский договор и даже лично поручился, что император его ратифицирует [Памятники, 1852. С. 1445–1448; Fiedler, 1863. S. 6, 7, 77].

При возвращении Шнитценбаумера ко двору Максимилиана была оперативно отправлена русская делегация. Василий, конеч-

но, хотел бы как можно быстрее реализовать договор, надеясь, что это позволит значительно повысить шансы на победу в русско-литовской войне. О мирных переговорах с Сигизмундом I в Москве уже и речи не было. В начале июня 1514 г. Василий в третий раз пошел во главе своего войска на Смоленск⁴. Через три дня после начала осады, 1 августа 1514 г., Смоленск сдался. Великий князь мог торжественно вступить в город. Влияние великой победы вскоре после этого было ослаблено катастрофическим поражением русских под Оршей, произошедшим 8 сентября. К счастью для российской стороны, «вредные следствия этой битвы для Москвы ограничились только потерей людей, потому что король не мог извлечь из нее для себя никакой пользы, не мог даже возратить себе Смоленска, приобретение и удержание которого для Василия служили достаточным вознаграждением за все потери», как отмечал классик русской историографии С. М. Соловьев [1960. С. 247].

Между тем Шнитценбаумер прибыл в сопровождении посольства России к императорскому двору в Нюрнберге. Если судить по последующим заявлениям Максимилиана, тот, узнав о деятельности Шнитценбаумера в Москве, был неприятно удивлен и определенно не согласен с ней. Тем не менее, учитывая заинтересованность российской стороны, он не мог открыто заявить, что на самом деле договора с Москвой не было. Поэтому императорский совет постановил, что Максимилиан ратифицирует соглашение [Fiedler, 1863. S. 82]. Император решил самостоятельно принять урезанный договор и в подтверждение этому поцеловал крест перед русскими⁵. Он это сделал с оговоркой, что в таком виде оно «направлено против императорского Величества и стилия Святой Империи и совести», и, следовательно, он сможет изменить текст и предоставить великому князю другой вариант тех обязательств, на

⁴ В Польше были убеждены, что Василий организовал третий поход на Смоленск по настоянию императора [Acta Tomiciana, 1852. P. 142].

⁵ Оригинал, написанный на старонемецком языке, не сохранился. Немецкий текст см.: [Памятники..., 1852. С. 1437–1442]. Русский перевод см.: [Памятники..., 1851. С. 1504–1508]. См. также: [Fiedler, 1863. S. 64–67; Собрание..., 1894. С. 62–65].

которых он присягал [Fiedler, 1863. S. 82]⁶. В то время, когда Максимилиан ратифицировал договор в его первоначальной версии, он уже подготовил свой исправленный вариант [Ibid. S. 73–76]. Чтобы внести изменения, к московскому двору были направлены Якоб Ослер и Мориц Бургшталлер⁷.

В соответствии с первоначальной версией договора, оформленного в Москве⁸, Максимилиан I и Василий III, а также их потомки будут дружить и помогать друг другу против общих врагов. Самым большим врагом был представлен король Польши и великий литовский князь Сигизмунд I Старший. Василий объявил Максимилиану, что он уже начал войну с Сигизмундом, и будет ее продолжать, пока не получит «свою отчину». Ожидалось, что император также вступит в войну с Польшей. В урезанном договоре, на котором он присягнул перед российским послом, Максимилиан обещал великому князю, что также начнет войну с Сигизмундом, направит против Польши имперских князей и полководца и попытается вернуть себе прусские владения. Поэтому он призывал Василия продолжать борьбу.

Второй российско-габсбургский договор в 1514 г. во многом повторял содержание первого, заключенного в 1490–1491 гг. Иваном III и Максимилианом против короля Польши и великого князя литовского Казимира IV. Главное отличие заключалось в том, что в то время как у российской стороны цель была такой же, как в предыдущем договоре (чтобы получить бывшие дневерусские территории), Максимилиан теперь не домогался венгерской короны, а стремился вернуть потерянные прусские города, которыми овладел польский король после второго Торуньского мира [Dralle, 1975]. Разница

также проявилась в позиции Москвы. В начале 1490-х гг. между Московским государством и Литвой были только пограничные конфликты, в то время как сейчас они вели войну. Поэтому русские больше нуждались в активных союзниках. В дополнение к этому договор с Габсбургами мог дать гарантию, что Ливония, несмотря на договор с Литвой, в этой войне сохранит нейтралитет.

В отредактированном тексте российско-габсбургского договора, изначально задуманного как наступательно-оборонительный пакт двух правителей против всех врагов, особенно против польского короля, император оставил за собой только оборонительную функцию. Вместо эффективной помощи против Сигизмунда, которую габсбургская сторона была не в состоянии обеспечить, впервые предлагается бороться с неприятелем путем мирного урегулирования, а только потом воевать. Альянс тут же потерял тот эффект, который ему приписывался в Москве. Если сравнить, чего великий князь Василий ожидал от российско-габсбургского союза и что император предложил ему, то результаты кажутся несколько иллюзорными. Максимилиан, однако, прямо не отказывался от союза. Оба правителя смотрели на альянс как на попытку получить односторонние преимущества при минимальных усилиях.

Замена уже ратифицированных документов – нечто особенное, в дипломатической практике это было довольно необычным делом. В связи с тем что в русских источниках нет ни одной записи переговоров делегации Шнитценбаумера при московском дворе, а император старался представить их суть очень размыто, мы не можем получить точную информацию о причинах действий посла. Поэтому бесспорным фактом выглядит, что Шнитценбаумер предложил Василию III по собственной инициативе, но от имени Максимилиана, тесное сотрудничество против польского короля Сигизмунда и составил текст договора (или, по крайней мере, участвовал в создании текста). При этом надо понимать, что такого союза у его правителя не было. На первый взгляд это свидетельствует о том, что он был действительно небрежным переговорщиком, допустившим искажение послания своего государя.

⁶ Нарушение «des heiligen Reichs Stil und Ordnung» не имеет формальных отличий от обычной модификации императорских полномочий.

⁷ Упоминание об этом см.: HHStA. F. Reichregisterbücher Y, fol. 296–297.

⁸ Русский оригинал договора является древнейшим документом на русском языке из хранящихся в Венском государственном архиве. Первоначально он был включен в отдел Allgemeine Urkundenreihe 1514, теперь из-за своих редкостных золотых печатей перемещен на усиленное хранение. Его издания см.: [Fiedler, 1863. S. 67–70; Собрание..., 1894. С. 66–68]. Точной датировки нет, на документе проставлено только 1514.

Но дело в том, что Максимилиан пытался убедить в своих намерениях не только московский двор, но и других. Поэтому исследователи считают, что Шнитценбаумер в Москве попал под сильное влияние окружавших его лиц, и, по словам российских дипломатов, это побудило его действовать в соответствии с их пожеланиями [Fiedler, 1863. S. 6; Übersberger, 1906. S. 79]. Обратим внимание и на то, что по окончании своей миссии он был вознагражден. Он получил приличную оплату от Габсбургского советника в герцогстве Карниола [Fiedler, 1863. S. 9] и позже сказал, что он также был одарен магистром Тевтонского ордена [Slavík, 1906. S. 330].

Это может означать только одно. Неудобство, которое испытывал Максимилиан в связи с тем, что он не хотел и не мог принимать всех условий российско-габсбургского договора, заключенного через Шнитценбаумера, должно было компенсироваться чем-то более выгодным, и это его послам вполне удалось. Обстоятельства, которые известны нам, особенно то, что он за свою московскую миссию был вознагражден, позволяют предположить, что самым большим достижением Шнитценбаумера, вероятно, было убедить Василия не соглашаться на почти стартовавшие мирные переговоры с польским королем, а снова начать против него военную кампанию.

Договор с измененным содержанием больше не соответствовал интересам московского двора. Поэтому Василий не проявил понимания в отношении намерений Максимилиана изменить задачи упраздненного альянса. Его целью было добиться немедленной военной помощи против Сигизмунда, потому он и отказался от предложения мирных переговоров сразу же после того, как получил возможность вступить в союз с Габсбургами. Осенью 1514 г. Московскому государству уже была необходима помощь от союзников, потому что после тяжелого поражения русских под Оршей, вскоре после захвата Смоленска, возникла угроза нападения польско-литовских войск.

Московская поездка имперских посланников Ослера и Бургшталлера не принесла по существу никакого результата. Обе стороны твердо настаивали на своем [Fiedler, 1863. S. 76–80]. Эта ситуация была гораздо более благоприятной для Габсбургов. Им-

ператор считал, что его обязательства оказывать помощь Василию, гарантированную по договору, делают его в настоящее время наиболее желанным союзником для Москвы. Великий князь, напротив, рассчитывал, что военная помощь даст ему преодолеть серьезные трудности, в которых он оказался после поражения под Оршей. От мирных переговоров он упорно отказывался, потому что хорошо знал, что Сигизмунд заключит мир только при условии возвращения Смоленска и других завоеванных территорий, поэтому настаивал на дальнейшем продолжении войны. В этих условиях у него не было выбора, кроме как настаивать на исполнении российско-габсбургского договора. Однако к тому времени почти наладились габсбургско-ягеллонские отношения [Baczkowski, 1975; Wiesflecker, 1981. S. 181–204; Liske, 1878], и союз с Москвой императору становился уже не нужным.

Хотя Максимилиан сразу же попытался смягчить воздействие российско-габсбургского договора от 1514 г. на польского оппонента, теперь он стал мощным рычагом, принуждавшим Сигизмунда больше прислушаться в вопросе о венгерском наследии к позиции Габсбургов. Венские соглашения, которые император заключил в 1515 г. с королями Сигизмундом и Владиславом Ягеллонами [Codex diplomaticus..., 1758. P. 171–181], являются результатом династической политики, которую он настойчиво проводил на протяжении всего своего правления. Чтобы добиться уступок от Ягеллонов, особенно от Сигизмунда, Максимилиан был готов пойти на компромисс. На самом деле, он должен был решить, уступить ли польским Ягеллонам Прибалтику или Дунайский регион? В итоге в жертву были принесены Пруссия и недавно упраздненный российско-габсбургский союз.

В российской истории первые два российско-габсбургских договора занимают важное место. Российское правительство впервые заключило перспективный союз с географически удаленными странами, имея чисто политические намерения отвоевать у Литвы и Польши древнерусские земли. Как Максимилиан I, так и Иван III заключали договор в 1490–1491 гг., обдумывая долгосрочные перспективы, подобно современным пра-

вителям. Второй российско-габсбургский договор укрепил позиции Московского государства в европейской политике, так как польский король Сигизмунд I был вынужден согласиться на значительные уступки в венгерском вопросе в пользу Габсбургов. Хотя Максимилиан со временем изменил свое отношение к союзу с московским правителем и отказался от него, но отношения с Москвой не прекратил, а, наоборот, пытался стать посредником в достижении российско-польского мира или, по крайней мере, перемирия. Первый этап российско-габсбургских отношений утвердил молодое Московское государство как новое явление в европейской политике со своими собственными интересами, с которыми западноевропейские государства отныне вынуждены были считаться и рассматривать либо как политического союзника, либо как конкурента.

Список литературы

- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. Кн. 3. 815 с.
- Хорошкевич А. Л.* Международные отношения в Центральной и Восточной Европе в конце XV – первой половине XVI столетия // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. 1. С. 9–148.
- Baczkowski K.* Walka o Węgry w latach 1490–1492. Z dziejów rywalizacji habsbursko-jagiellońskiej w basenie środkowego Dunaju. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1995. 168 s.
- Baczkowski K.* Zjazd Wiedenski 1515, Geneva, przebieg i znaczenie. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1975. 264 s.
- Dralle L.* Der Staat des deutschen Ordens // Preussen nach dem II. Thorner Friede. Untersuchungen zur ökonomischen und ständepolitischen Geschichte Altpreußens zwischen 1466 und 1497 (Frankfurter historische Abhandlungen 9). Wiesbaden, 1975. S. 108–150.
- Fiedler J.* Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vasilji Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514. Wien: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1863. 107 S.
- Fiedler J.* Nikolaus Poppel, erster Gesandter Österreichs in Russland // Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1857. Bd. 22. S. 187–220.
- Firnhaber F.* Beiträge zur Geschichte Ungerns, unter der Regierung der Könige Wladislaus II. und Ludwig II. 1490–1526 // Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. Wien, 1849. Bd. 3. S. 375–551.
- Fraknoi W.* König Mathias Corvinus und der deutsche Kaiserthron // Ungarische Rundschau für historische und soziale Wissenschaften. München; Leipzig, 1915. Bd. 4. S. 1–27.
- Höflechner W.* Zur Entwicklung der europäischen Bündnissysteme und des Gesandtschaftswesen bis zur Zeit Herbersteins // Siegmund von Herberstein. Kaiserlicher Gesandter und Begründer der Rußlandkunde und der europäische Diplomatie. Graz, 1989. S. 17–25.
- Joachim E.* Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg. Leipzig: Hirzel, 1892. Bd. 1. 316 S.
- Karge P.* Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. ungarische Politik und ihre Beziehungen zu Moskau. 1486–1506 // Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Freiburg; Leipzig, 1893. Bd. 9. S. 259–287.
- Leitsch W.* Die ersten 300 Jahre in den Beziehungen Russlands zu Österreich // Mitteilungen des österreichischen Staatsarchiv (200 Jahre russisches Aussenministerium). Innsbruck; Wien, 2003. Bd. 50. S. 65–77.
- Liske F. X.* Der Wiener Kongreß von 1515 und die Politik Maximilians I. gegenüber Preußen und Polen // Forschungen zur deutschen Geschichte. Göttingen, 1878. Bd. 18. S. 445–467.
- Nehring K.* Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III. und das Reich. Zum hunyadisch-habsburgischen Gegensatz im Donauraum (Südosteuropäische Arbeiten 72). München: Oldenburg, 1975. 244 S.
- Picková D.* Dvě cesty Nikolaa Poppela do Moskvý (Příspěvek k problematice navázání rusko-habsburských vztahů koncem 15 století) // Slovanský přehled. Praha, 1998a. Sv. LXXXIV. Č. 2. S. 126–132.
- Picková D.* Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku. Příspěvek k dějinám rus-

ko-habsburských vztahů na přelomu 15 a 16 století (Acta Universitatis Carolinae, Philosophica et Historica, Monographia CLIV). Praha: Nakladatelství Karolinum, 2002. 226 s.

Picková D. Mezi Moskvou a Suceavou (Příspěvek k dějinám rusko-moldavských diplomatických vztahů na přelomu 15 a 16 století) // Acta Universitatis Carolinae Philosophica et Historica 2, Studia Historica II. Praha, 1998b. S. 29–39.

Sach M. Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit, (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 62). Stuttgart: Steiner, 2002. 488 S.

Slavík J. Habsburkové a Rusko v 16. Století // Český časopis historický. Praha, 1906. Čís. XII. S. 169–177, 312–334, 447–467.

Suchánek D. The Emperor Maximilian I and the Possibility of Personal Connection of Empire and Papacy // Prague Papers on the History of International Relations. Prague, 2008. P. 57–72.

Übersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien; Leipzig: Braumüller, 1906. 584 S.

Wiesflecker H. Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa and der Wende zur Neuzeit. Wien: Verlag für Geschichte und Politik, 1971. Bd. 1: Junge, burgundisches Erbe und Römisches Königtum bis zur Alleinherrschaft 1459–1493. 608 S.; 1981. Bd. 4: Gründung der habsburgischen Weltreiches. Lebensabend und Tod 1508–1519. 692 S.

Wiesflecker H. Maximilians I. Kaiserproklamation zu Trient (4. Februar 1508). Das Ereignis und seine Bedeutung // Österreich und Europa. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 15–38.

Wimmer E. Die Rußlandpolitik Wolters von Plettenberg // Wolter von Plettenberg. Der grösste Ordenmeister Livlands. Lüneburg, 1985. S. 71–99.

Zenèev V. G. Der Beginn der russisch-österreichischen Beziehungen // Mittelungen des österreichischen Staatsarchiv (200 Jahre russisches Aussenministerium). Innsbruck; Wien, 2003. Bd. 50. S. 29–42.

Список источников

Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ко, 1882. Ч. 1: Годы с 1487 по 1533. 870 с.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1851. Т. 1: с 1488 по 1594 г. 1704 с.; 1852. Т. 2: с 1594 по 1621 г. 1588 с.

Собрание государственных грамот и договоров. М.: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. Т. 5. 202 с.

Acta Tomiciana. Posnaniae: Typ. J. Lukaszewicz, 1852. Т. 2: Epistole. Legationes. Responsa. Actiones res geste. Serenissimi principis Sigismundi, ejus nominis primi, Regis Polonie, magni ducis Lithuaniae, Russie, Prussie, Masovie domini. 308 p.

Codex diplomaticus regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae. Vilnae: Typ. Regia & Republicae Collegii, 1758. Т. 1. 696 p.

Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Riga; Moskau: Deubner, 1905. Abt. II. Bd. 2: 1501–1505. 797 S.

Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta. Petropoli: Typ. E. Pratz, 1848. 542 p.

D. Picková

*Charles University
5 Ovocný trh, Prague, 116 36, Czech Republic*

dana.pickova@gmail.com

**HABSBURG EMPIRE AND MUSCOVITE STATE:
THE ESTABLISHMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS
BETWEEN GRAND PRINCES OF MOSCOW AND GERMAN EMPERORS**

The paper is devoted to conditions of preparation and to the meaning of two diplomatic treaties between Maximilian I, ruler of Holy Roman empire, and Muscovite grand princes Ivan III and Vasily III in the end of 15th – early 16th century. Sources for our study include both Russian and German published documents, as well as some materials from the Austrian state archive in Wien – Haus, Hof- und Staatsarchiv (HHStA). Our purpose is to analyze Emperor Frederick III's and his son Maximilian's intentions – the first rulers from the Habsburg family who had established diplomatic relations with Muscovite state. The reasons, which led to this move, are found out, and Ivan and Vasily's motivation to accept Habsburgs' friendly offers is estimated.

The first visit of Nicholas Poppel, ambassador of Emperor Frederick III, to Moscow in 1488 was almost immediately followed by the second visit of Jorg von Thurn in 1490. Von Thurn arrived on behalf of Emperor's son Maximilian, Roman King and Austrian Archduke, to sign the first Russian-Habsburg treaty with grand prince Ivan III. Maximilian had intention to use his new eastern ally against the Jagellon family members, because they tried to prevent him from claiming the throne of Hungarian kingdom. But the war against France for the Duchy of Bretagne and lack of funds forced him to give up this idea in 1491.

In 1513, Maximilian I, already the Emperor, sent to Moscow his counsellor Georg Schintzenbaumer von Sonneg, who persuaded grand prince Vasily III to sign the second Russian-Habsburg treaty. The most important is that conditions of the treaty were not previously approved by Maximilian and gave profit only for Russian side. Vasily hoped to get real military assistance from Maximilian to continue the war with Polish King and Lithuanian grand prince Sigismund I. In 1514, Smolensk was took back. But the Emperor changed some articles of this treaty and asked his Muscovite partner to start peace talks with Sigismund instead of taking further military actions. However, both treaties show that Muscovite state became an important actor of the European international politics. From this time, the great powers of Western Europe started to seek constant ties with the rulers of Moscow.

Keywords: Muscovite state, the Holy Roman Empire, Maximilian I, Ivan III, Vasily III, diplomatic relations.

References

Baczkowski K. *Walka o Węgry w latach 1490–1492. Z dziejów rywalizacji habsbursko-jagiellońskiej w basenie środkowego Dunaju*. Krakow, Uniwersytet Jagielloński, 1995, 168 p.

Baczkowski K. *Zjazd Wiedenski 1515, Geneza, przebieg i znaczenie*. Warsaw, Państwowe Wydawn. Naukowe, 1975, 264 p.

Dralle L. *Der Staat des deutschen Ordens. Preussen nach dem II. Thorner Friede. Untersuchungen zur ökonomischen und ständepolitischen Geschichte Altpreußens zwischen 1466 und 1497 (Frankfurter historische Abhandlungen 9)*. Wiesbaden, 1975, S. 108–150.

Fiedler J. *Die Allianz zwischen Kaiser Maximilian I. und Vasilji Ivanovič Grossfürsten von Russland von dem Jahre 1514*. Wien, Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1863, 107 S.

Fiedler J. *Nikolaus Poppel, erster Gesandter Österreichs in Russland. Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften*. Wien, 1857, bd. 22, S. 187–220.

Firnhaber F. Beiträge zur Geschichte Ungerns, unter der Regierung der Könige Wladislaus II. und Ludwig II. 1490–1526. *Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen*. Wien, 1849, bd. 3, S. 375–551.

Fraknói W. König Mathias Corvinus und der deutsche Kaiserthron. *Ungarische Rundschau für historische und soziale Wissenschaften*. Munich, Leipzig, 1915, bd. 4, S. 1–27.

Höflechner W. Zur Entwicklung der europäischen Bündnissysteme und des Gesandtschaftswesen bis zur Zeit Herbersteins. *Siegmund von Herberstein. Kaiserlicher Gesandter und Begründer der Rußlandkunde und der europäische Diplomatie*. Graz, 1989, S. 17–25.

Joachim E. *Die Politik des letzten Hochmeisters in Preußen Albrecht von Brandenburg*. Leipzig, Hirzel, 1892, bd. 1, 316 S.

Karge P. Kaiser Friedrich's III. und Maximilian's I. ungarische Politik und ihre Beziehungen zu Moskau. 1486–1506. *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. Freiburg, Leipzig, 1893, bd. 9, S. 259–287.

Khoroshkevich A. L. Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope v kontse XV – pervoi polovine XVI stoletiya [International relations in the Central and Eastern Europe in the end of the 15th – 1st half of the 16th century]. Herberstein S. *Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]*. Moscow, 2008, vol. 1, p. 9–148. (In Russ.)

Leitsch W. Die ersten 300 Jahre in den Beziehungen Russlands zu Österreich. *Mittelungen des österreichischen Staatsarchiv (200 Jahre russisches Ausssenministerium)*. Innsbruck, Wien, 2003, bd. 50, S. 65–77.

Liske F. X. Der Wiener Kongreß von 1515 und die Politik Maximilians I. gegenüber Preußen und Polen. *Forschungen zur deutschen Geschichte*. Goettingen, 1878, bd. 18, S. 445–467.

Nehring K. *Matthias Corvinus, Kaiser Friedrich III. und das Reich. Zum hunyadisch-habsburgischen Gegensatz im Donauraum (Südosteuropäische Arbeiten 72)*. Munich, Oldenburg, 1975, 244 S.

Picková D. Dvě cesty Nikolaa Poppela do Moskvy (Příspěvek k problematice navázání rusko-habsburských vztahů koncem 15 století). *Slovanský přehled*. Prague, 1998a, vol. LXXXIV, pt. 2, p. 126–132.

Picková D. *Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku. Příspěvek k dějinám rusko-habsburských vztahů na přelomu 15 a 16 století (Acta Universitatis Carolinae, Philosophica et Historica, Monographia CLIV)*. Prague, Nakladatelství Karolinum, 2002, 226 p.

Picková D. Mezi Moskvou a Suceavou (Příspěvek k dějinám rusko-moldavských diplomatických vztahů na přelomu 15 a 16 století). *Acta Universitatis Carolinae Philosophica et Historica 2, Studia Historica II*. Prague, 1998b, p. 29–39.

Sach M. *Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem deutschen Orden in Preussen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa 62)*. Stuttgart, Steiner, 2002, 488 S.

Slavík J. Habsburkové a Rusko v 16. Století. *Český časopis historický*. Prague, 1906, pt. XII, p. 169–177, 312–334, 447–467.

Solovyev S. M. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia from Ancient Times]*. Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury, 1960, book 3, 815 p. (In Russ.)

Suchánek D. The Emperor Maximilian I and the Possibility of Personal Connection of Empire and Papacy. *Prague Papers on the History of International Relations*. Prague, 2008, p. 57–72.

Übersberger H. *Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*. Wien, Leipzig, Braumüller, 1906, 584 S.

Wiesflecker H. *Kaiser Maximilian I. Das Reich, Österreich und Europa and der Wende zur Neuzeit*. Wien, Verlag für Geschichte und Politik, 1971, bd. 1. Junge, burgundisches Erbe und Römisches Königtum bis zur Alleinherrschaft 1459–1493, 608 S.; 1981, bd. 4. Gründung der habsburgischen Weltreiches. Lebensabend und Tod 1508–1519, 692 S.

Wiesflecker H. Maximilians I. Kaiserproklamation zu Trient (4. Februar 1508). Das Ereignis und seine Bedeutung. *Österreich und Europa*. Graz, Wien, Cologne, 1965, S. 15–38.

Wimmer E. Die Rußlandpolitik Wolters von Plettenberg. *Wolter von Plettenberg. Der grösste Ordenmeister Livlands*. Luneburg, 1985, S. 71–99.

Zenèev V. G. Der Beginn der russisch-österreichischen Beziehungen. *Mittelungen des österreichischen Staatsarchiv (200 Jahre russisches Aussenministerium)*. Innsbruck, Wien, 2003, bd. 50, S. 29–42.

Sources

Acta Tomiciana. Poznan, Tip. J. Lukaszewiez, 1852, vol. 2. *Epistole. Legationes. Responsa. Actiones res geste. Serenissimi principis Sigismundi, ejus nominis primi, Regis Polonie, magni ducis Lithuanie, Russie, Prussie, Masovie domini*, 308 p.

Codex diplomaticus regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae. Wilno, Typ. Regia & Reipublicae Collegii, 1758, vol. 1, 696 p.

Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch. Riga, Moscow, Deubner, 1905, sect. II, vol. 2. 1501–1505, 797 S.

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Moskovskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim gosudarstvom v tsarstvovanie Velikogo Knyazya Ivana Vasil'evicha [*Memorials of Ancient Russia's Diplomatic Intercourse with Foreign Powers. Memorials of Diplomatic Intercourses between Muscovite State and Polish-Lithuanian State in the Reign of Grand Prince Ivan Vasilyevich*]. St. Petersburg, Tipografiya F. Eleonskogo i Ko, 1882, pt. 1. Gody s 1487 po 1533 [From 1487 to 1533], 870 p. (In Russ.)

Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii s Imperieyu Rimskoyu [*Memorials of Ancient Russia's Diplomatic Intercourse with Foreign Powers. Memorials of Diplomatic Intercourses with the Holy Roman Empire*]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi E. I. V. Kantselyarii, 1851, vol. 1. From 1488 to 1594, 852 p.; 1852, vol. 2. From 1594 to 1621, 794 p. (In Russ.)

Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov [*Collection of State Charters and Treaties*]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana, 1894, vol. 5, 202 p. (In Russ.)

Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, ex archivis ac bibliothecis extraneis deprompta. Petropoli, Typ. E. Pratzii, 1848, 542 p.